

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
И СОЦИАЛЬНЫЙ СОВЕТ

Distr.
GENERAL

E/CN.4/1998/9
10 September 1997

RUSSIAN
Original: ENGLISH

КОМИССИЯ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
Пятьдесят четвертая сессия
Пункт 10 предварительной повестки дня

ВОПРОС О НАРУШЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В ЛЮБОЙ
ЧАСТИ МИРА, ОСОБЕННО В КОЛОНИАЛЬНЫХ И ДРУГИХ ЗАВИСИМЫХ
СТРАНАХ И ТЕРРИТОРИЯХ

Положение в области прав человека на территории бывшей Югославии

Два судебных процесса над косовскими албанцами по обвинению в
государственных преступлениях в Союзной Республике Югославии
в 1997 году

Доклад, представленный Специальным докладчиком г-жой Элизабет Рен
в соответствии с пунктом 42 с) резолюции 1997/57 Комиссии

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
Введение	1 - 2	3
I. ПЕРВЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД 20 ОБВИНЯЕМЫМИ, СОСТОЯВШИЙСЯ В ПРИШТИНЕ В МАЕ 1997 ГОДА	3 - 42	3
II. ВТОРОЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД 15 ОБВИНЯЕМЫМИ, СОСТОЯВШИЙСЯ В ПРИШТИНЕ В ИЮНЕ-ИЮЛЕ 1997 ГОДА	43 - 66	14
III. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	67 - 70	21

Введение

1. По просьбе Специального докладчика по положению в области прав человека на территории бывшей Югославии наблюдатель от белградского отделения Верховного комиссара/Центра по правам человека присутствовала на большинстве судебных заседаний в ходе двух процессов над 35 косовскими албанцами, состоявшихся в городе Приштина. В основе настоящего доклада лежит информация из первоисточников, собранная наблюдателем в Приштине, а также результаты изучения обвинений и стенограмм судебных заседаний. Кроме того, наблюдатель беседовала с председателем суда, представилась двум председательствующим судьям, а также неоднократно встречалась с заместителем прокурора, представившим обвинение, и с адвокатами, выступившими в качестве защитников.

2. В настоящем докладе рассматриваются два судебных процесса, состоявшихся в мае и июне-июле 1997 года. Эти процессы оцениваются на основе международных стандартов справедливого разбирательства, предусмотренных документами Организации Объединенных Наций в области прав человека, в частности статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Союзная Республика Югославия является участницей этого Пакта, а также Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Конвенция против пыток), в статьях 12 и 15 которой содержится ряд положений, имеющих особое отношение к процессам в Приштине. Доклад заканчивается рядом выводов и рекомендаций, представленных правительству Союзной Республики Югославии Специальным докладчиком на основе доклада наблюдателя.

1. ПЕРВЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД 20 ОБВИНЯЕМЫМИ, СОСТОЯВШИЙСЯ В ПРИШТИНЕ В МАЕ 1997 ГОДА

3. В период с 19 по 30 мая 1997 года состоялся суд над 20 косовскими албанцами (мужчинами и женщинами), которые были осуждены окружным судом города Приштины. Над двумя обвиняемыми суд был заочным. Всем подсудимым были предъявлены обвинения по статье 136 и в связи со статьей 116 Уголовного кодекса в подготовке заговора с целью участия в деятельности, которая ставит под угрозу территориальную целостность Союзной Республики Югославии. Эти преступления караются лишением свободы сроком до 10 лет в случае создания группы в вышеупомянутых целях (статья 136 (1)) или 5-летним сроком лишения свободы, если обвиняемый является членом такой группы (статья 136 (2)). Шести подсудимым были предъявлены дополнительные обвинения в использовании опасных и насильственных методов при попытках поставить под угрозу конституционный порядок или безопасность Союзной Республики Югославии. Согласно статье 125 Уголовного кодекса такие действия квалифицируются как терроризм и караются как минимум 3-летним сроком лишения свободы.

4. Согласно обвинительному акту подсудимые создали или входили в состав тайного объединения под названием "Национальное движение за освобождение Косово" (НДОК), которое пыталось с помощью силы добиться отделения Косово и Метохии от Союзной Республики Югославии и присоединения к Албании. По обвинительному акту главные цели организации состоят в увеличении ее численного состава, подготовке вооруженного восстания путем сбора различного оружия, получении карт и чертежей с планировкой зданий государственных учреждений и распространении журнала движения Qllirimi ("Освобождение"). Устав этой организации, который был представлен в суде только в виде фотокопии, призывает к так называемому освобождению всех албанцев, проживающих в Сербии, Черногории и Македонии, допуская в качестве крайней меры в достижении этой цели вооруженную борьбу. НДОК характеризуется в нем как нелегальная организация, которая, однако, использует все возможности для применения законных средств достижения своей цели.

5. Процесс, который длился шесть дней, является первым из трех процессов над косовскими албанцами, которые в этом году обвинялись в совершении преступлений против национальной безопасности. Обвинения, предъявленные на первом процессе, ограничивались попытками и планированием совершения преступлений. В отличие от других процессов ни один из подсудимых не был обвинен в непосредственном совершении актов насилия, ставящих под угрозу безопасность государства. Эти обвинения были выдвинуты на втором процессе над 15 подсудимыми, который рассматривается в разделе II ниже. Позднее 21 косовскому албанцу, 18 из которых находятся под стражей, были предъявлены обвинения в создании объединения, которое в обвинительном акте квалифицируется как враждебная террористическая организация – Освободительная армия Косово, – осуществляющая акты насилия с целью добиться отделения Косово от Союзной Республики Югославии. Этот процесс еще не состоялся.

6. Все подсудимые, многие из которых полностью или частично не признают предъявленных им обвинений, в частности обвинений в терроризме, были признаны виновными. Главный обвиняемый, который признал себя лидером НДОК и редактором его журнала, был приговорен к максимальной мере наказания по статье 136 Уголовного кодекса – 10 годам тюремного заключения. Остальные обвиняемые, среди которых две женщины, в том числе 20-летняя студентка, были приговорены к тюремному заключению сроком от двух до девяти лет. Десять обвиняемых утверждали, что они занимались лишь распространением ежемесячного журнала организации или писали для него статьи; пятеро из них отрицали, что когда-либо являлись членами НДОК.

А. Справочная информация

7. Суд состоялся после серии вооруженных нападений в Косово в предыдущем году на сотрудников полиции, служащих местных органов власти и лиц, которых нападающие назвали "пособниками сербских властей". Ранее неизвестная организация – Освободительная армия Косово – приняла на себя ответственность за большинство нападений, которые впервые произошли в апреле 1996 года, когда шесть человек были

убиты и пять ранены. Специальный докладчик неоднократно осуждала эти нападения. Сообщения об аналогичных инцидентах поступали ежемесячно. В ответ на это 22 января 1997 года сербская полиция провела волну арестов, задержав около сотни человек. Белградское отделение Верховного комиссара/Центра по правам человека получило данные, свидетельствующие о том, что в ходе ряда арестов и последующих допросов подозреваемых полиция применяла чрезмерную силу.

В. Общие замечания

8. Суд состоялся в окружном суде города Приштина. На открытии суда 13 адвокатам не нашлось достаточно стульев и столов, однако на следующий день по распоряжению председательствующего судьи положение было исправлено.

9. Председательствующий судья был тверд и одновременно вежлив в отношениях со всеми сторонами, включая адвокатов и их подзащитных. Он неизменно сообщал подсудимым об их праве сохранять молчание, которым некоторые из них воспользовались. Судья скрупулезно резюмировал заявления подсудимых, которые заносились в протокол, в том числе показания 11 подсудимых, утверждавших, что их подвергали пыткам, жестокому обращению или запугиванию с целью получить "признание" до, а иногда и после передачи дела судье, ведущему судебное следствие. Это находится в резком противоречии с сообщениями об отсутствии ведения точных протоколов судебными чиновниками в период содержания под стражей до суда.

С. Конкретные замечания

1. Независимость и беспристрастность суда

10. Пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит: "каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом". Цель этого положения – обеспечить, чтобы обвинения предъявлялись в независимом суде, назначенным вне зависимости от конкретного дела и не специально для рассмотрения данного преступления. Тем не менее судебные чиновники в Приштине сообщили наблюдателю Организации Объединенных Наций, что обычно суды по делам о государственной безопасности в одном районе Косово созываются одним и тем же государственным прокурором и проводятся судьями одного и того же состава. Беспристрастность и независимость судей и обвинителей, участвующих в суде над политическими заключенными, лишь усилились бы, если бы состав судей и обвинителей, рассматривающих такие и аналогичные дела, сменялся на основе ротации.

11. Судейская коллегия в Приштине состояла из председательствующего судьи и двух судебных ассессоров. Югославское законодательство – статья 23.1 Уголовно-процессуального кодекса – не устанавливает требований, предъявляемых к ассессорам. Адвокаты сообщили

наблюдателю, что в данном случае оба судебных assessora были вышедшими на пенсию полицейскими, один из которых, по их сведениям, являлся бывшим руководителем следственного департамента по уголовным делам. При таких обстоятельствах может сложиться впечатление об отсутствии беспристрастности суда. Кроме того, адвокаты сообщили наблюдателю, что консультации между обвинителем и судьями до и во время суда над политическими заключенными не являются исключением и что такие консультации имели место в ходе данного и второго процесса.

12. Независимость предполагает, что судьи пользуются государственной защитой от необоснованного воздействия со стороны исполнительной власти. Независимость и беспристрастность суда может быть поставлена под сомнение, когда одного или нескольких судей можно заподозрить в близких отношениях с одной из сторон, в данном случае с обвинением.

2. Публичный характер разбирательства

13. Публичный характер разбирательства также является одним из требований статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. В зале окружного суда города Приштины было мало места. Тем не менее представители многочисленных органов печати, посольств, неправительственных и межправительственных организаций присутствовали на процессе. Разрешено было присутствовать только одному члену семьи каждого из подсудимых, однако это объяснялось ограниченностью размеров зала. Требования в отношении публичного разбирательства были соблюдены полностью.

3. Право иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным защитником

14. Право иметь достаточное время и возможности является одной из важнейших минимальных гарантий справедливого разбирательства дела, предусмотренных пунктом 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Это право является самой важной из всех возможностей, которые должны предоставляться обвиняемому, и в данном деле представляет особый интерес для Организации Объединенных Наций.

а) Достаточное время и возможности

15. Специальный докладчик считает, что целому ряду обвиняемых было отказано в праве на адекватную защиту по различным причинам. Во-первых, некоторые адвокаты впервые встретились со своими клиентами уже после того, как судья, ведущий следствие, уже завершил основные следственные действия, на результатах которых строило свою аргументацию обвинение. Адвокаты сталкивались с юридическими и практическими трудностями в получении доступа к клиентам на раннем этапе процесса (см. ниже пункты б) и с)).

16. Во-вторых, некоторым обвиняемым адвокаты были назначены только после того, как они вошли в зал суда и таким образом не имели возможности подготовить эффективную защиту, хотя, по имеющимся данным, они отказались от права получить неделю на подготовку (см. ниже пункт с)).

17. В-третьих, доступ адвокатов почти ко всем судебным документам по данному процессу был запрещен и разрешен лишь незадолго до начала разбирательства, вследствие чего у них не было достаточно времени для подготовки защиты. 14 февраля 1997 года судья окружного суда Приштины г-жа Даница Маринкович, которая вела следствие, вынесла постановление, касающееся всех обвиняемых и их адвокатов. Она постановила, что по причинам государственной безопасности "защита не будет иметь доступа ко всем документам и протоколам, а также собранным вещественным доказательствам, и будет лишена возможности присутствовать на определенных этапах следствия, а именно при допросах обвиняемых, свидетелей и очных ставках". На практике это постановление лишало адвокатов доступа к любым материалам дела кроме заявлений, сделанных их клиентами судье, ведущему следствие, и не разрешало им участвовать в расследовании по делам других обвиняемых. Таким образом, доступ к показаниям обвиняемых или необходимым документальным свидетельствам для подготовки защиты был разрешен адвокатам только примерно за одну, самое большее за две недели до начала процесса.

18. Статья 73 (2) Уголовно-процессуального кодекса, на которой основано это постановление судьи, в виде исключения предусматривает, что "в ходе предварительного разбирательства до предъявления обвинения возможность изучения адвокатами некоторых документов или вещественных доказательств может быть временно ограничена, если того требуют особые интересы национальной обороны или национальной безопасности". Однако это положение, по всей видимости, не распространяет данное исключение практически на все доказательства, как это произошло в указанном случае. Доктор Бранко Петрич в своем авторитетном комментарии поясняет, что это положение должно применяться лишь в очень ограниченных рамках. Тем не менее этого не произошло. Ограничения в отношении своевременного доступа к соответствующим материалам дела в данном случае поставили защиту в столь неблагоприятное положение, что привели к нарушению важного принципа справедливого разбирательства - "равенства сторон", т.е. процессуального равенства обвиняемого и обвинителя.

б) Право сноситься с защитником

19. Действующие ныне в Югославии юридические нормы запрещают адвокату встречаться со своим клиентом до тех пор, пока он или она не предстанет перед судьей, ведущим следствие, а это должно произойти не позднее, чем через 72 часа после ареста (статья 196 Уголовно-процессуального кодекса). Статья 23 Конституции Союзной Республики Югославии устанавливает еще более высокую степень защиты интересов

обвиняемого: она требует, чтобы арестованный имел возможность без задержек сноситься с адвокатом. Однако выполнение высших конституционных норм на практике не обеспечивается, поскольку статья 67 федеральной Конституции разрешает преимущественное применение обычных юридических норм. В результате этого на практике доступ к клиентам зачастую предоставляется адвокатам только через три дня после ареста, т.е. когда обвиняемые предстают перед судьей, ведущим следствие. В действительности большинство сообщений о пытках и жестоком обращении относится к этому трехдневному периоду, когда обвиняемых допрашивают в отсутствие адвоката до того момента, когда они предстают перед ведущим следствие судьей.

20. Все адвокаты, с которыми разговаривала наблюдатель Организации Объединенных Наций, констатировали, что, когда им разрешали встречаться со своими клиентами, они не могли общаться наедине и обсуждать вопросы защиты в конфиденциальной обстановке. Один-два тюремных надзирателя всегда находились рядом. Один из адвокатов сообщил наблюдателю, что впервые ему разрешили встретиться со своим клиентом наедине, собственно, на открытии судебного процесса. Другой адвокат сказал, что из-за постоянного присутствия надзирателей его клиент только на третьей встрече смог сообщить, что его подвергали пыткам.

21. Фактически югославское законодательство предусматривает существенные ограничения на право свободного общения между адвокатами и их клиентами. Статья 74 (2) Уголовно-процессуального кодекса разрешает судье, ведущему следствие, выносить постановления о том, "что обвиняемый может общаться со своим адвокатом только в его (судьи) присутствии или в присутствии того или иного должностного лица". Даже когда свободное общение без постороннего наблюдения между адвокатами и клиентами разрешается (а в соответствии со статьей 74 (3) Кодекса оно обязательно), т.е. в период после завершения допроса обвиняемого судьей, ведущим следствие, или после оглашения обвинительного акта такое свободное общение, по словам некоторых адвокатов, по-прежнему практически запрещено.

22. Один из опытных адвокатов сообщил наблюдателю Организации Объединенных Наций, что он сослался на это юридическое положение во время его встречи с клиентом в тюрьме после завершения предварительного следствия. Присутствовавший на встрече надзиратель сказал ему, что он знает этот закон. Однако он также сказал адвокату, что, несмотря на это, у него есть строгие инструкции от службы государственной безопасности присутствовать во время всей встречи адвоката с клиентом.

23. Практика запрещения подсудимым сноситься со своими адвокатами в частном порядке является очевидным нарушением международных норм в области прав человека, касающихся справедливого разбирательства. Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка 13 по статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах заявляет, что пункт 3 в) статьи 14 "требует, чтобы защитник сносился с обвиняемым в условиях, которые полностью обеспечивали бы конфиденциальность их общения. Адвокаты

должны иметь возможность консультировать и представлять своих клиентов в соответствии с установленными профессиональными нормами и выносить суждения без каких-либо ограничений, влияния и давления или какого-либо неправомерного вмешательства". Принцип 18 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, предусматривает, что право на связь адвоката с его или ее клиентом в условиях конфиденциальности не может быть временно отменено, кроме исключительных обстоятельств. Он также предусматривает, что "свидания задержанного или находящегося в заключении лица с его адвокатом могут иметь место в условиях, позволяющих должностному лицу правоохранительных органов видеть их, но не слышать".

- с) Право защищать себя лично или через посредство выбранного защитника и иметь назначенного защитника в любом случае, когда интересы правосудия того требуют

24. Прокурор заверил наблюдателя Организации Объединенных Наций, что все подсудимые имеют доступ к адвокату на соответствующих этапах разбирательства. Однако некоторые подсудимые пожаловались, что, когда они предстали перед ведущим следствие судьей, они не имели возможности обратиться к адвокату за правовой помощью. Например, Энвер Дуголи заявил в суде, что он был подвергнут физическим и психическим пыткам, после которых на его лице, руках и других частях тела остались заметные раны, и отрицал утверждение обвинения о том, что он согласился дать показания ведущему следствие судье без адвоката. Он сообщил судье, что, когда его привели к ведущему следствие судье, ему не разрешили связаться с адвокатом. Один из адвокатов рассказал наблюдателю Организации Объединенных Наций о том, что допросы практически всех подсудимых по данному делу начинались вечером, когда им было трудно воспользоваться услугами адвоката. В данном случае большинство подсудимых отказались в суде от своих предыдущих показаний ведущему следствие судье, которые они зачастую давали без правовой помощи, на том основании, что их показания были получены с помощью пыток, жестокого обращения или принуждения. Тем не менее обвинение использовало эти показания в качестве важных доказательств.

25. Некоторые подсудимые не имели своего адвоката, когда они впервые вошли в зал суда. Рагип Бериса, который обвинялся в преступлении, влекущем за собой максимальное наказание сроком в пять лет лишения свободы, не имел адвоката. Он объяснил, что адвокат, посетивший его накануне, не явился в суд. Хотя югославское законодательство не обязывает суд назначать адвоката в случаях, когда преступления караются максимальным сроком в пять лет лишения свободы, тем не менее председательствующий судья предложил ему выбрать защитника на месте из 13 присутствующих адвокатов. Г-н Бериса выбрал защитника, однако последний, вероятно, отказался от своего права отложить слушание, поскольку заседание продолжалось и адвокат не имел времени для подготовки защиты своего клиента. (Г-н Бериса был приговорен к двум годам тюремного заключения.)

26. Главный обвиняемый, Авни Клинаку, не имел адвоката, когда его ввели в зал суда. Г-н Клинаку объяснил, что он отвел адвоката, назначенного его семьей, и что он сам будет защищать себя. Однако, поскольку он обвинялся в серьезном преступлении,

караемом 10-летним сроком лишения свободы, югославское законодательство в таких случаях предусматривает, при необходимости, назначение защитника. Председательствующий судья немедленно поручил защищать обвиняемого одному из присутствовавших в суде адвокатов, который отказался от своего права на получение восьми дней для подготовки защиты. Тем не менее статья 70 (2) Уголовно-процессуального кодекса требует, чтобы при рассмотрении столь серьезных дел обвиняемый "имел защитника в момент оглашения обвинительного акта". Насколько удалось установить в случае г-на Клинаку, это требование выполнено не было.

4. Право быть судимым без неоправданной задержки

27. Шестнадцать обвиняемых были арестованы в период с 26 по 31 января 1997 года, а еще двое - 24 апреля 1997 года. Суд начался 19 мая 1997 года и, таким образом, состоялся без задержки.

5. Право пользоваться бесплатной помощью переводчика, если обвиняемый не понимает языка, используемого в суде

28. Судопроизводство велось на сербском языке, но большинство обвиняемых владели только албанским. Назначенный судом переводчик переводил вопросы судьи или обвинителя подсудимым и ответы последних. Однако, когда не было прямых обращений к обвиняемым, дискуссии между сторонами в суде не переводились и, таким образом, в ходе процесса подсудимым не было известно содержание касающихся их вопросов и ответов. Все дискуссии между сторонами на всем протяжении разбирательства целесообразно было бы переводить на язык обвиняемых, поскольку этот вопрос имеет особо важное значение для тех из них, которые защищали себя сами.

6. Право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя и не подвергаться пыткам

29. Многие обвиняемые, представ перед судом, отказались от своих прежних показаний, которые они дали ведущему следствие судье, на том основании, что их вынудили дать эти показания в результате применения пыток, жестокого обращения или других форм принуждения.

30. Делегация Организации Объединенных Наций получила несколько заявлений от адвокатов и подзащитных, которые утверждали в суде, что ведущий следствие судья не пожелал огласить их сообщения о том, что показания подзащитных были получены и запротоколированы в результате применения пыток или принуждения, даже невзирая на то, что заявления такого рода являются важнейшим элементом показаний, которые, согласно Уголовно-процессуальному кодексу, необходимо заносить в протокол (статья 80).

31. Одиннадцать подсудимых утверждали, что их подвергали пыткам, жестокому обращению или принуждению. Адвокат, защищавший Дулжда Салаху, утверждает, что он видел кровоподтеки на лице своего клиента и хотел обратить внимание ведущего следствие судьи на другие раны на его теле. Однако, по его словам, судья посоветовала ему не делать этого. Адвокат также заявил, что судья не хотела заносить заявление г-на Салаху о пытках в заключение об освидетельствовании от 1 февраля 1997 года. Он сказал, что она согласилась сделать это, да и то лишь в очень общих выражениях, после того, как г-н Салаху заявил, что в противном случае он не подпишет свои показания. Когда г-н Салаху был доставлен в тюрьму Приштины, на его теле все еще были видны следы побоев. 26 февраля 1997 года тюремный врач заявил: "После тщательного медицинского освидетельствования мы обнаружили на обеих руках поступившего пациента кровоподтеки (следы ушибов)". Адвокат сообщил, что он потребовал независимой медицинской экспертизы своего клиента, но его требование, по-видимому, не было удовлетворено.

32. Лжибурн Алиджу сообщил, что в течение трех дней его избивали дубинками, а затем доставили к ведущему следствие судье. Он рассказал также своему адвокату, что лица, которые, по его утверждениям, избивали его, вновь встретились с ним накануне начала суда и, угрожая расправой, потребовали, чтобы он повторил в суде то, что его заставили сказать ведущему следствие судье. Хажзер Бетулаху также сообщил, что допрашивавшие его лица подвергали его физическим и психическим пыткам и угрожали, говоря при этом, что "если ты откажешься сказать в суде, то, что ты сообщил ведущему следствие судье, то мы переломаем тебе все кости".

33. Гани Балджия заявил, что его били руками и ногами. В суде было зачитано медицинское заключение, составленное во время его содержания под стражей. Энвер Дуголи утверждал, что его адвокат, ведущий следствие судья и тюремные работники могли видеть, когда его доставили к ним, раны от побоев на его лице и руках. Заключение о его медицинском освидетельствовании было зачитано в суде. Эмин Салахи подробно рассказал о пытках, заявив, что ему на голову надевали противогаз, набивали рот бумагой, пытали электрическим током и били по рукам, ногам и почкам. По его словам, он просил об оказании медицинской помощи, но получил отказ.

34. Арсим Раткочери рассказал, что его били дубинками по рукам и половым органам и не давали пищи целые сутки. Адвокат Муджи Прекупи утверждал, что его клиента подвергали физическим и психическим пыткам в течение трех дней. Небих Тахири сделал общее заявление, в котором он сообщил, что его "вынудили" дать показания, а Рагип Бериса сказал, что он дал показания "под принуждением". Сукриже Редза сообщила суду, что ее поздно ночью допрашивали сотрудники службы государственной безопасности и что ее подвергали "психическому и физическому устрашению". В суде прокурор не отрицал того факта, что допросы проходили поздно ночью, при этом отметил, что время работы суда не регулируется какими-либо правилами.

35. Насколько известно Специальному докладчику, быстрого и беспристрастного расследования утверждений о том, что показания были получены путем применения различных пыток, жестокого обращения или принуждения проведено не было, как того требует статья 12 Конвенции против пыток. Нет также никаких сведений о попытках выполнить требование статьи 15 Конвенции против пыток о том, что "любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не должно использоваться в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства". Такие расследования не были проведены, несмотря на утверждения ряда обвиняемых и их адвокатов о том, что следы пыток были вполне заметны, когда они предстали перед ведущим следствие судьей, и что в некоторых случаях в их медицинских картах имеются *prima facie* доказательства этих фактов. Вышеупомянутые утверждения были тщательно запротоколированы во время судебного процесса, однако, как оказалось, показания, полученные с помощью таких методов, которые недвусмысленно запрещены югославским законодательством, были приняты в качестве доказательств в нарушение требований Конвенции против пыток и статей 83 и 219 Уголовно-процессуального кодекса Югославии.

7. Несоблюдение некоторых процессуальных требований югославского законодательства

36. Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает ряд гарантий, защищающих подлинность материалов судопроизводства и качество доказательств. Во время процесса адвокаты утверждали, что некоторые из этих процессуальных требований не были выполнены. Как оказалось, все их просьбы об изъятии из протокола таких доказательств на вышеуказанных основаниях были отклонены судом.

37. Один из адвокатов сообщил, что время начала и окончания допроса его клиента, Гани Балджии, не было занесено в протокол, как того требует статья 82 (2) Уголовно-процессуального кодекса. Он заявил, что его клиента подвергали длительным и непрерывным допросам в вечернее время. Адвокат Хажзера Бежтулаху обратил внимание суда на тот факт, что переводчик не подписал протокол допроса и что этот факт не оспаривался прокурором, который заявил, однако, что это не является достаточным основанием для признания показаний неприемлемыми. Как оказалось, неподписанные показания действительно были приняты в качестве доказательств, несмотря на четкие требования статьи 82 (3) Уголовно-процессуального кодекса о том, что "в конце допроса протокол подписывается переводчиком, если таковой присутствует".

38. Югославское законодательство предусматривает, что ведущий следствие судья обязан информировать все стороны, включая адвоката, о времени и месте выполнения следственных действий. В статье 168 (6) Уголовно-процессуального кодекса говорится, что если обвиняемый имеет адвоката, то ведущий следствие судья обычно информирует только его. Однако после того, как судья завершил предварительное следствие,

сотрудники службы государственной безопасности вызвали нескольких обвиняемых для дополнительного расследования, не уведомив при этом соответствующих адвокатов.

39. Например, после того как ведущий следствие судья завершил допрос Гани Балджии, сотрудники полиции, по имеющимся сообщениям, девять раз доставляли его в Косовска-Митровицу для новых допросов. Сабан Бека сообщил, что его допрашивали уже после того, как ведущий следствие судья завершил свою работу. Мажлинда Синани заявила, что ее выводили на допрос 12 раз после окончания следствия, причем обычно это происходило ночью между 19 и 24 часами. Ее адвокат не знал об этих дополнительных допросах и поэтому не присутствовал на них, чтобы защитить своего клиента. Поскольку такие дополнительные допросы не могут проводиться без предварительного разрешения ведущего следствие судьи, можно сделать вывод, что либо судья не информировал адвоката в соответствии с существующими правовыми процедурами, либо эти допросы проводились в нарушение закона без ведома судьи. Совершенно очевидно, что адвокат Мажлинды Синани не мог оказать помощь своему клиенту во время этих допросов, на которых г-жу Синани неоднократно принуждали сделать признание в том, что она состоит членом НДОК.

8. Доказательства

40. Главными доказательствами, на которые опиралось обвинение, были показания подсудимых в ходе следствия, которые впоследствии были частично или целиком опровергнуты ими в суде на том основании, что эти показания даны в результате применения пыток и других форм принуждения. Наблюдатели от организаций, не входящих в систему Организации Объединенных Наций, присутствовавшие на судебном процессе при представлении других доказательств, отметили, что не были заслушаны показания свидетелей и что единственным предъявленным вещественным доказательством был пулемет. Адвокаты и главные обвиняемые заявили об отсутствии доказательств того факта, что планы планировки зданий и другие документы и материалы, представленные или упомянутые в суде в поддержку обвинений, были изъяты у подсудимых, поскольку конфискованные предметы не значатся в расписках, выданных после обыска их домов. Следовательно, согласно их утверждениям, не было никаких доказательств того, что именно конфискованные предметы были предъявлены суду и использовались для обоснования обвинения. Кроме того, адвокаты отметили, что такие главные представленные суду документы, как устав и экземпляр ежемесячного журнала Qllirimi, были предъявлены лишь в форме фотокопий, которые не могли быть признаны доказательствами без соответствующего заверения. Тем не менее эти материалы, по всей видимости, остались в протоколах суда и использовались в качестве доказательств.

41. Хотя наблюдатель от Организации Объединенных Наций не смогла изучить всех соответствующих документов, анализ основных доказательств и чтение стенограмм судебных заседаний, а также рассмотрение замечаний наблюдателей, присутствовавших на всех этапах процесса, показывают, что серьезные обвинения, выдвинутые против подсудимых, подкреплялись маловероятными вещественными доказательствами.

9. Заочные суды

42. Двух обвиняемых судили заочно и приговорили с лишением свободы сроком до девяти лет. Из строгого толкования пункта 3 d) статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах вытекает, что заочные суды запрещаются, хотя Комитет по правам человека утверждает, что такие суды допустимы, но при строго ограниченных обстоятельствах. Дополнительные замечания в отношении таких судов приводятся в пункте 66 ниже.

II. ВТОРОЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС НАД 15 ОБВИНЯЕМЫМИ, СОСТОЯВШИЙСЯ В ПРИШТИНЕ В ИЮНЕ-ИЮЛЕ 1997 ГОДА

43. В июне-июле 1997 года окружной суд Приштины в течение пяти дней рассматривал дело 15 косовских албанцев, причем по 12 из них проходило заочное разбирательство. Согласно обвинительному акту подсудимые прошли военную подготовку в Албании, а затем сформировали террористическую организацию, действовавшую в Косово и имевшую своей целью поставить под угрозу конституционный порядок и безопасность государства, а также образование отдельного государства для последующего присоединения к Албании. В отличие от первого суда, состоявшегося в мае 1997 года, подсудимым вменялась в вину не только подготовка актов насилия, но и ответственность за осуществление ряда нападений, убийство четырех людей и покушение на убийство еще 16 человек. Согласно утверждениям, обвиняемые совершили эти нападения в качестве членов Освободительной армии Косово, которая взяла на себя ответственность за эти акты.

44. Всем троим подсудимым - Бесиму Рама, Идрису Аслани и Авни Нура - были предъявлены обвинения по статье 125 Уголовного кодекса в использовании опасных и насильственных средств при попытках поставить под угрозу конституционный порядок и безопасность Союзной Республики Югославии ("терроризм"); это преступление влечет за собой максимальное наказание в виде трех лет лишения свободы. Кроме того, их обвинили в совершении преднамеренного убийства, что карается минимум 10 годами и максимум 20 годами лишения свободы. Согласно утверждениям, один или несколько обвиняемых участвовали в следующих инцидентах: обстрел двух полицейских из засады, устроенной в мае 1993 года в Глодоваче; нападение на полицейскую машину в апреле 1996 года, в результате которого один полицейский был ранен, а находившаяся в машине заключенная убита; обстрел полицейского в Косовска-Митровице в июне 1996 года; неудачная попытка взорвать две ручные гранаты в лагере беженцев в Вучитрне в феврале 1996 года; и взрыв бомб в военных казармах в Вучитрне в сентябре 1996 года, который обошелся без жертв.

45. Двенадцать из 15 обвиняемых, включая главного обвиняемого Бесима Рама, получили максимальный срок – 20 лет лишения свободы. Двое обвиняемых были приговорены к 15 годам, один – к 10, а Авни Нура был обвинен в "терроризме", затем это обвинение было переквалифицировано на незаконное владение оружием и в результате он был осужден на самый короткий срок – четыре года лишения свободы.

46. Замечания по этому процессу следует читать вместе с приведенными выше замечаниями по первому процессу над политическими заключенными, касавшемуся 20 косовских албанцев, которых судили в мае 1997 года и признали виновными в менее серьезных преступлениях против государственной безопасности. Почти все возникшие в связи с этим процессом проблемы и озабоченности, вытекающие из оценки международных норм справедливого разбирательства, которые предусмотрены документами Организации Объединенных Наций, в равной степени относятся и к суду над 15 обвиняемыми в июне-июле 1997 года.

1. Конкретные замечания

Независимость и беспристрастность суда и ведение судебного процесса

47. Судебное присутствие состояло из пяти судей, включая трех судей, которые вели процесс над 20 обвиняемыми по первому делу. Обвинение представлял тот же прокурор. По причинам, указанным выше в связи с первым судом, независимости и беспристрастности суда несколько не способствует тот факт, что все политические дела ведут одни и те же представители судебных органов и прокуратуры, причем эта озабоченность усугублялась тем обстоятельством, что, согласно сообщениям, некоторые судебные ассессоры были бывшими полицейскими.

48. В отличие от первого суда председательствовавший на этом процессе судья не поспешила внести в протокол утверждения подсудимых о том, что они подвергались пыткам. Однако, когда председательствующему судье указали на это упущение, она внесла в протокол краткое изложение утверждений подсудимых.

2. Право быть в срочном порядке доставленным к судье и не подвергаться негласному содержанию под стражей

49. Статья 9 Международного пакта о гражданских и политических правах предоставляет каждому арестованному по уголовному обвинению лицу право быть в срочном порядке доставленным к судье. Два обвиняемых, Бесим Рама и Авни Нура, сообщили суду, что в период с 16-17 сентября по 2 октября 1996 года их негласно содержали под стражей в неизвестном месте и без связи с внешним миром. Бесим Рама содержался в одиночной камере, но, тем не менее, слышал, как избивали Авни Нура. В суде Авни Нура заявил, что его арестовали 16 сентября 1996 года, а не 29 сентября, как это ошибочно указано в официальных протоколах. Оба подсудимых предстали перед ведущим

следствие судьей 2 октября 1996 года. Следовательно, в течение 16 дней они негласно находились под стражей в нарушение международного гуманитарного права и югославского законодательства, которое устанавливает, что никто не может находиться под арестом более 72 часов без встречи с судьей.

50. Фактически эти мужчины "исчезли" на две недели. Серьезность любого такого задержания, которое отказываются признать власти, подчеркивается статьей 1 Декларации о защите всех лиц от насильственных исчезновений, которая гласит:

"Любой акт насильственного исчезновения является оскорблением человеческого достоинства. Он осуждается как отрицание целей Устава Организации Объединенных Наций и как серьезное и вопиющее нарушение прав человека и основных свобод, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека... Любой акт насильственного исчезновения ставит лиц, подвергшихся такому акту, вне защиты закона, а также причиняет тяжкие страдания им и их семьям. Он является нарушением норм международного права, гарантирующих, в частности, право на признание правосубъектности личности, право на свободу и безопасность личности и право не подвергаться пыткам...".

3. Право доступа к защитнику

51. Международные нормы в области прав человека требуют, чтобы такой доступ предоставлялся без задержек и чтобы разрешалось свободное общение между адвокатом и клиентом. Однако Идрис Аслани сообщил суду, что он содержался под стражей более шести месяцев без возможности связаться с защитником для обсуждения своего дела. Впервые ему разрешили встретиться с адвокатом для свободного обсуждения защиты 30 мая, за три дня до начала суда и только на одну минуту, после чего в комнату вошел надзиратель и свободное общение между адвокатом и клиентом стало невозможным.

52. Ведущий следствие судья допрашивал Авни Наура и Идриса Аслани дважды - 2 и 7 октября - без адвоката, несмотря на то, что, по словам самого адвоката, они просили об оказании юридической помощи. До этого их обоих негласно содержали под стражей, а адвокат прилагал все усилия, чтобы найти их, но, очевидно, не смог с ними встретиться. 8 октября их адвокату впервые разрешили встретиться с ними, но только в присутствии надзирателя. Однако, когда адвокат предъявил письменное разрешение властей, надзиратель, согласно сообщениям, информировал адвоката о том, что ведущий следствие судья запретил обсуждение любых вопросов между адвокатом и клиентом. Когда адвокат все же попытался заговорить со своим клиентом, спросив его об обращении с ним в период содержания под стражей в полиции, надзиратель сказал, что он прекратит встречу. Когда наблюдатель Организации Объединенных Наций в беседе с обвинителем по данному делу затронула вопрос об этих сообщениях, последний не отрицал того факта, что надзирателям даны указания присутствовать на встречах адвокатов со своими клиентами,

добавив, что это было обусловлено тем обстоятельством, что в прошлом адвокаты злоупотребляли своими полномочиями. Однако обвинитель не назвал конкретных злоупотреблений адвокатов, занимающихся данным делом.

53. Приказы надзирателям наблюдать за встречами между адвокатами и клиентами, если они действительно были отданы, представляют собой нарушение не только международно-правовых норм, но и статьи 74 (3) Уголовно-процессуального кодекса, которая предписывает свободу общения между адвокатом и его или ее клиентом на стадии завершения судебного расследования в качестве обязательной процедуры. 10 октября 1997 года адвокат, защищающий интересы обоих подсудимых, потребовал соблюдения этого закона и разрешения свободного общения, но так и не получил ответа. Впервые их адвокату было разрешено встретиться с клиентами для обсуждения защиты тогда, когда обвинительный акт был уже фактически вынесен, и, по словам адвоката, это произошло лишь за одну неделю до начала процесса. Учитывая серьезный и разнообразный характер обвинений, а также число подзащитных, этого короткого периода времени, несомненно, было недостаточно для того, чтобы построить эффективную защиту.

4. Достаточное время и возможности для подготовки защиты

54. Как и в случае предыдущего процесса, ведущий следствие судья отказал адвокатам в доступе ко всем материалам дела, за исключением досье, касающихся их клиентов, и в возможности присутствовать при допросах других обвиняемых. Соответствующее постановление гласило: "По соображениям безопасности адвокатам... запрещается присутствовать при расследовании, на допросах обвиняемых (за исключением их клиентов), при даче показаний и на очных ставках, а также при рассмотрении материалов и протоколов дела (за исключением тех, которые касаются их клиентов)". Адвокаты обжаловали это постановление на том основании, что оно носило излишне ограничительный характер и превышало пределы, установленные статьей 73 Уголовно-процессуального кодекса (которая разрешает ограничения только в отношении доступа к определенным документам и доказательствам), в результате чего они лишаются возможности организовать профессиональную защиту. Тем не менее эта жалоба была отклонена председателем окружного суда 17 февраля 1997 года.

55. Как отмечалось в связи с первым делом, такие существенные ограничения доступа к важнейшим документам и другим доказательствам нарушают принцип "равенства сторон" между защитой и обвинением, который лежит в основе гарантий справедливого разбирательства, предусмотренных статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

56. В ходе процесса адвокаты отметили, что Бесим Рама был уволен с военной службы на том основании, что он, по его собственным словам, испытывал "головные боли". Они потребовали представить суду досье о прохождении военной службы (которое было представлено, но не позволило сделать окончательных выводов) и провести освидетельствование состояния здоровья Бесима Рамы экспертами, чтобы определить,

являлся ли он умственно полноценным и осознавал ли свои действия в момент совершения преступления. Суд распорядился провести освидетельствование Бесима Рама тремя психиатрами/психологами из больницы белградской тюрьмы. Их заключение, впоследствии представленное суду, свидетельствовало о том, что Бесим Рама не страдал какой-либо психической болезнью или умственной отсталостью и вполне понимал значение своих действий. Однако адвокаты опротестовали это заключение на том основании, что период освидетельствования был слишком коротким, что выводы, содержащиеся в заключении, не соответствовали данным, полученным в результате освидетельствования, и что заключение психиатров пенитенциарной системы является предвзятым. Они потребовали проведения второго освидетельствования независимым органом или, если это невозможно, возможности допросить экспертов в суде. Однако суд отклонил оба требования. Достоверность выводов экспертов лишь повысилась бы, если бы адвокатам была предоставлена возможность допросить этих экспертов в суде.

5. Право не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя и не подвергаться пыткам

57. Главный обвиняемый, Бесим Рама, заявил в суде 3 июня 1997 года, что с момента ареста и до его доставки к ведущему следствие судье полицейские непрерывно избивали его. Он сказал, что заявление, сделанное им ведущему следствие судье – признание его участия в ряде преступлений, которые вменялись ему в вину, – было сделано под принуждением, поскольку его подвергали пыткам, а избивавшие его полицейские находились рядом с кабинетом судьи и слышали его слова. Он утверждал, что в тот период его лицо было заметно опухшим. По словам обвиняемого, его страх перед полицией объяснялся тем, что пытки едва не довели его до самоубийства. Он сообщил, что рассказал начальнику тюрьмы о пытках, которым его подвергали следователи; он также сообщил, что в тюрьме пытки прекратились.

58. На суде Бесим Рама вначале признал участие в одном из инцидентов – обстреле полицейской машины в июне 1996 года, в результате которого один полицейский был убит. Признав факт владения несколькими стволами оружия, он тем не менее отрицал свое участие в других вменяемых ему в вину преступлениях, а также то, что он прошел военную подготовку в Албании или ездил в эту страну. Однако когда 9 июля процесс возобновился, Бесим Рама отказался от признания своего участия в обстреле, состоявшемся в июне 1996 года, заявив, что он сделал это признание из-за страха перед полицией.

59. Бесим Рама объяснил, что в тюрьме его трижды посещали полицейские уже после завершения судебного расследования. Он сообщил, что 1 июня накануне начала суда один чиновник, которого он впоследствии опознал на суде и который оказался государственным прокурором по данному делу, пригрозил "лишить его головы", если он не повторит на суде признания, сделанные им в полиции. Бесим Рама утверждал, что у него есть два свидетеля, которые могут подтвердить эту угрозу. В тот день государственного прокурора не было в суде и поэтому он не мог ни подтвердить, ни опровергнуть данное

утверждение. Однако, насколько известно, суд не расследовал ни это, ни другие утверждения Бесима Рамы о том, что его показания были получены под пыткой или принуждением, как того требует Конвенция против пыток. Таким образом, эти материалы были приняты в качестве доказательств, несмотря на положения международного права и югославского законодательства, которое запрещает использовать доказательства, если установлено, что они получены такими противоправными методами. В случае двух других обвиняемых дело обстояло также.

60. В суде Идрис Аслани отрицал все выдвинутые против него обвинения, включая владение оружием и планирование каких-либо нападений. Он заявил, что не знает никого из других обвиняемых. Идрис Аслани добавил, что все его заявления в полиции были сделаны под принуждением и угрозами и что для выздоровления после пыток в полиции ему пришлось пройти курс медикаментозного лечения. На одном из этапов допроса ему сказали, что он не выйдет из комнаты живым. Показания, которые он дал ведущему следствие судье, были полностью ложными, поскольку он боялся угроз. У зала суда, где он давал показания, он увидел тех же полицейских, которые накануне запугивали и пытали его в течение трех дней, приказывая, что он должен сказать ведущему следствие судье.

61. Авни Нура сообщил суду, что его непрерывно били в течение десяти дней после ареста, а затем передали второй группе допрашивающих, которые обращались с ним "крайне бесчеловечно". Его заставили раздеться догола и сесть на электронагреватель. В этом положении он оставался до тех пор, пока не потерял сознание, затем его опять били. Это, видимо, повторялось дважды. На одном из допросов его подвели к стене на расстояние одного метра, заставили опереться на нее двумя пальцами и оставили в таком положении в течение длительного периода времени, при этом его били по спине. Затем его заставили отжиматься и встать коленями на дубинки, после чего, по его словам, он не мог ходить. Большую часть времени он был привязан к постели, а по ночам ему не давали спать. В течение нескольких дней он не мог есть. Он сообщил, что в основном его били в живот, по рукам и ногам и пытали электрическим током, но так, чтобы не оставлять следов. Тем не менее его лицо опухло и было покрыто заметными шрамами. 2 октября 1996 года, через 16 дней после ареста, когда раны стали менее заметными, его доставили к ведущему следствие судье.

62. В суде он признал факт владения оружием и бомбами, но объяснил это тем, что скрывался от правосудия, поскольку ранил человека из кровной мести, а также тем, что ему приходилось охранять своего брата, который являлся торговцем оружием. Из трех обвиняемых только он признал факт поездки в Албанию, заявив, однако, что он скрывался от кровной мести.

63. 10 октября 1996 года адвокат потребовал медицинского освидетельствования Авни Нура и Идриса Аслани в Институте судебной медицины "для установления степени и серьезности телесных повреждений". Он добавил, что освидетельствование должно состояться как можно скорее, пока не исчезли раны и следы побоев. Однако ответа он не получил, и освидетельствование, которое могло бы дать важные доказательства пыток и жестокого обращения или же их отсутствия, проведено не было.

6. Доказательства

64. В отличие от предыдущих судов на данном процессе предстал целый ряд свидетелей, вызванных обвинением. Наблюдатель Организации Объединенных Наций не присутствовала в суде в день дачи ими показаний и не имела возможности изучить многочисленные документы, упоминавшиеся в этот день в суде. Однако чтение стенограмм судебных заседаний и обсуждение с другими местными и международными наблюдателями показаний, которые дали в этот день в суде свидетели, говорят о том, что ни один из вызванных свидетелей не дал существенных доказательств, которые могли бы связать подсудимых с предъявляемыми им обвинениями.

65. Как и в предыдущем деле, главными доказательствами обвинения были признания, которые сделали подсудимые ведущему следствие судье, а также признание в суде главного обвиняемого, Бесима Рамы, от которого он впоследствии отказался. Вместе с тем имеются веские основания считать, что показания, полученные судьей, ведущим следствие, были даны под пыткой и, следовательно, не должны приниматься в качестве доказательств в соответствии с международными нормами в области прав человека, которые применяются в Союзной Республике Югославии.

7. Заочные суды

66. Дела большинства обвиняемых (12 из 15) слушались заочно, что разрешается югославским законодательством. Некоторые адвокаты присутствовали в суде и представляли интересы обвиняемых в их отсутствие. Замечания Комитета по правам человека по Пакту разрешают заочные суды лишь при определенных обстоятельствах: "В тех случаях, когда исключительно по обоснованным причинам судебные процессы проводятся заочно, чрезвычайно необходимо строгое соблюдение прав на защиту" (Общее замечание 13 (21) d)) (статья 14). Наблюдатель Организации Объединенных Наций не смогла установить, насколько строго соблюдались права обвиняемых, однако Специальный докладчик хочет обратить внимание на укрепление мнения международного сообщества о том, что заочные суды уже более неприемлемы.

III. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

A. Выводы

67. Суды проводились публично, без задержек, как того и требуют международные нормы. Международные и местные наблюдатели пользовались всей полнотой доступа к судебным процессам. В ходе двух основных процессов суды в целом уважали, за некоторыми исключениями, югославские процессуальные нормы судопроизводства. Однако основные нарушения произошли в период предварительного содержания под стражей. Кроме того, на обоих процессах не были обеспечены важные минимальные гарантии справедливого разбирательства, предусмотренные стандартами Организации Объединенных Наций, в частности Международным пактом о гражданских и политических правах и Конвенцией против пыток, которые обязана соблюдать Союзная Республика Югославия.

68. Что касается представленных суду доказательств, то тот факт, что некоторые процессуальные требования югославского законодательства в отношении удостоверения подлинности и предъявления доказательств не были соблюдены (при явной безнаказанности виновных), к сожалению, видимо, не помешал принятию таких доказательств судом. Явное отсутствие достоверных вещественных доказательств, связывающих обвиняемых с якобы совершенными ими преступлениями, вызывает серьезную озабоченность. Сохраняются серьезные сомнения в том, следовало ли признавать подсудимых виновными, учитывая характер представленных доказательств и явно незаконный способ получения многих показаний. Согласно международным нормам, предусмотренным документами по правам человека, участником которых является Союзная Республика Югославия, обвиняемым, несомненно, было отказано в праве на справедливое разбирательство. В частности:

обвиняемым и их адвокатам было предоставлено совершенно недостаточное время и возможности для подготовки защиты и свободного общения;

значительные ограничения на доступ адвокатов к соответствующим документам, а в некоторых случаях и к материалам допросов их клиентов, являются нарушением важного принципа справедливого разбирательства – "равенства сторон";

многие показания, от которых обвиняемые отказались в суде на том основании, что они были получены в результате пыток, жестокого обращения или принуждения, не были изъяты из материалов дела и, очевидно, были приняты в качестве доказательств (несмотря на раны, которые, по имеющимся сведениям, видели представители судебных органов, и несмотря на наличие других доказательств *prima facie* в медицинских заключениях);

нет никаких сведений о том, что какие-либо органы власти давали распоряжения о быстром и беспристрастном расследовании утверждений о таком незаконном обращении;

требования относительно независимого медицинского освидетельствования, которое могло бы подтвердить или опровергнуть утверждения о применении пыток, были отклонены;

два обвиняемых, дела которых рассматривались на втором процессе, в течение двух недель тайно содержались под стражей в нарушение их права на личную безопасность, срочную доставку к судье и доступ к адвокату, причем власти отказались признать этот факт.

69. Специальный докладчик озабочена тем, что основные нормы в области прав человека не были соблюдены в ходе двух процессов над 35 подсудимыми, осужденными на весьма длительные сроки лишения свободы за преступления против государственной безопасности. Кроме того, можно поставить под сомнение и независимость, и беспристрастность судебного процесса. Она выразила надежду, что правительство изучит проблемы и озабоченности, высказанные в настоящем докладе, и что официальные и другие заинтересованные лица примут их к сведению в ходе рассмотрения соответствующих апелляций, а также во время будущих процессов по делам, связанным с аналогичными преступлениями.

2. Рекомендации

70. Специальный докладчик дает следующие рекомендации правительству на основе доклада наблюдателя Организации Объединенных Наций:

а) Правительство должно незамедлительно отдать распоряжение о проведении беспристрастного расследования утверждений обвиняемых и их адвокатов о том, что показания, используемые обвинением, получены под пытками или принуждением. Если эти сведения подтвердятся, то нужно провести повторные слушания дел обвиняемых исключительно на основе доказательств, полученных законными методами.

б) Соответствующие органы власти должны обеспечить, чтобы показания, полученные такими методами, не принимались в качестве доказательств и изымались из материалов дела.

с) Слушания дел политических заключенных по обвинениям в преступлениях против государственной безопасности должны проводиться судами в составе таких судей, в том числе и судебных ассессоров, чей моральный облик и квалификация полностью соответствуют установленным критериям беспристрастности и независимости. Такие слушания должны проводиться, как это принято в случае других дел, судьями и обвинителями, сменяющимися на основе ротации.

d) Правительство должно обеспечить незамедлительное соблюдение конституционных норм, которые предусматривают быстрое предоставление арестованным доступа к адвокату (статья 23 федеральной Конституции). Положения Уголовно-процессуального кодекса, которые фактически не разрешают доступ к адвокату до истечения 72 часов после ареста и которые в настоящее время пересматриваются министерством юстиции, должны быть незамедлительно приведены в соответствие с указанными конституционными нормами.

e) Правительство должно пересмотреть юридические положения, которые допускают существенное ограничение свободного общения адвокатов со своими клиентами (статья 74 (2) Уголовно-процессуального кодекса), и обеспечить их соответствие международным нормам в области прав человека, которые предусматривают, что общение адвокатов со своими клиентами должно, как правило, проходить при закрытых дверях и полной конфиденциальности в условиях, позволяющих должностным лицам видеть их, но не слышать.

f) Правительство должно принять четкие правила, регламентирующие продолжительность допросов арестованных, интервалы между допросами и порядок регистрации лиц, ведущих допросы. Допросы поздно вечером или ночью должны быть исключением. За несоблюдение этих правил необходимо предусмотреть соответствующие санкции.

g) Необходимо провести независимое расследование утверждений о том, что власти отказались признать факт тайного содержания под стражей и пыток в течение 16 дней в сентябре 1996 года двух обвиняемых, дела которых рассматривались в ходе второго процесса. Если эти утверждения подтвердятся, то виновные должны быть привлечены к судебной ответственности.

h) Если беспристрастное расследование утверждений о пытках, жестоком обращении или принуждении, описанных в настоящем докладе, подтвердит факт применения таких методов, то правительство должно обеспечить привлечение виновных к судебной ответственности.

i) Следует проинструктировать ведущих следствие судей о том, что утверждения о применении пыток являются необходимыми элементами свидетельских показаний, которые должны в обязательном порядке заноситься в протокол на всех этапах уголовного судопроизводства. Если имеются достоверные данные о получении показаний под пытками или принуждением, то такие сведения должны надлежащим образом расследоваться, а соответствующие показания не использоваться в качестве доказательств. Правительство должно создать механизм, обеспечивающий немедленное изъятие из материалов дела и неиспользование в качестве доказательств показаний, полученных от обвиняемых в нарушение закона, как того требуют статьи 83 и 219 Уголовно-процессуального кодекса и статья 15 Конвенции против пыток.

ј) Общие формулировки нормативных положений, разрешающих существенно ограничивать доступ адвокатов к соответствующим судебным документам и протоколам допросов – например статья 73 (2) Уголовно–процессуального кодекса, – должны истолковываться в ограничительном смысле, с тем чтобы их применение не ставило в необоснованно благоприятное положение обвинение и не приводило к нарушению важного принципа справедливого разбирательства – "равенства сторон" между защитой и обвинением.

к) Адвокаты должны иметь беспрепятственный доступ к медицинским заключениям по результатам освидетельствования их клиентов, содержащихся под стражей.

л) Правительство должно создать механизм обязательного применения санкций в случае несоблюдения требований снятия и протоколирования показаний. Невыполнение этих требований должно автоматически влечь за собой изъятие соответствующих показаний или документов из материалов дела, если они не имеют подкрепляющих доказательств.

м) Во всех случаях, когда обвиняемый не говорит на языке судопроизводства, суд должен принять меры для обеспечения обвиняемого переводом выступлений в ходе всего судебного процесса, а не только вопросов судьи и обвинителя, обращенных к нему или к ней, или его/ее ответов на них. Это особенно важно для тех обвиняемых, которые защищают себя лично.

н) Правительство должно обеспечить, чтобы в случае заочного суда подсудимым гарантировалось максимально строгое соблюдение их прав.
